

А.В. Скрыпников

НЭП: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова

Характер взаимоотношений различных социальных групп с органами власти является определяющим в выработке и реализации политического курса государства. Факторами современной жизни являются значительное социальное расслоение, разочарование в системе власти, разрыв между городом и деревней. В новом веке важно учитывать исторический опыт прошлого, поскольку Россия оказалась перед выбором варианта общественного развития и находится в поисках национальной идеи, способной сплотить различные группы населения.

Изучение общественно-политической ситуации в стране в переходные периоды является одной из актуальных проблем исторической науки. Изменения, произошедшие в государстве после установления советской власти, значительно повлияли на жизнь всех групп общества. Идеологи большевистской революции всегда говорили о своей опоре на пролетариат. В реальности успешность преобразований во многом определялась тем, как их воспримет и поддержит крестьянство, составлявшее в 1920 г. большую часть населения страны. В связи с этим ставилась задача привлечения крестьян в сельские Советы, с помощью которых предполагалось преодолеть их отторжение от сферы управления, сблизить с пролетариатом. Советам отводилась роль органа власти, реализующего государственную политику на местах, в зависимости от хозяйственных, этнических и культурных особенностей регионов. В 1920 г. приходилось выстраивать структуру органов управления и определять направление их деятельности. В настоящее время страна вновь стоит перед похожими проблемами, поэтому изучение работы региональных управленческих структур в 20-е гг. XX в. позволит не только восстановить картину событий, но и учесть имеющийся негативный и позитивный опыт в современных условиях.

Будучи включенной в единую политическую систему, деревня существенно отставала от города в социальной организации. В этой связи встал вопрос о создании организации крестьянства, которая бы, в отличие от комбедов периода гражданской войны, представляла более широкие слои трудящихся. Как известно, в 1921 г., еще при переходе к НЭПу, в ЦК РКП (б) поднимался вопрос о формировании крестьянского союза по записке В.В. Осинского (Оболенского), понимавшего необходимость политической организации крестьянства. В.И. Ленин факти-

чески поддержал эту идею, предлагая продумать «несколько мер более осторожных, подготавливающих к этому». В условиях продолжавшейся вооруженной борьбы в деревне такая позиция была понятна. После 1921 г. никто не вспоминал о записке Осинского, но и не мог считать идею крестьянского союза антисоветской. К тому же основная масса требований создания крестьянского союза определяла задачи по аналогии с рабочими профсоюзами или хозяйственными учреждениями, регулирующими сбыт сельскохозяйственной продукции. При этом отнюдь не отрицалось взаимодействие с властью Советов. Так, в Орловской губернии в Дмитровском уезде во время перевыборов имели место резкие выступления за организацию крестсоюза со стороны бывшего красноармейца, крестьянина-середняка (см.: [1, с. 514–515]).

Тогда предложение В.В. Осинского было признано несвоевременным и отклонено [2, с. 437]. Тем самым было задано направление развития политической системы: не изменяя сложившейся структуры, обеспечить представительство интересов трудового крестьянства в партии и органах советской власти. Летом – осенью 1922 г. сводки ОГПУ сообщали: «Отношение крестьян... к политвопросам – безразличное. Крестьяне заняты восстановлением своего хозяйства» [3, с. 669]. Их общественная активность ограничилась главным образом сопротивлением налогам и завершением перераспределения земли (начатого еще в 1917–1918 гг.). Открытое противостояние, доходившее до вооруженной борьбы крестьянства и власти, к 1923 г. себя исчерпало, повстанческое движение утратило почву, а вместе с ней массовый характер. Его остаточные формы сохранялись некоторое время в пограничных районах, поддерживаемые экстремистскими кругами белой или националистической эмиграции, но в целом довольно быстро переродились в уголовный бандитизм.

Из обзора ГПУ о политическом и экономическом состоянии СССР за апрель–май 1923 г. сообщалось: «Основным вопросом, занимавшим все внимание крестьянства в отчетные весенние месяцы, был вопрос о посевной кампании. У крестьян повсеместно чувствовался острый недостаток посевного материала. В результате проведенной кампании следует отметить улучшение политического настроения крестьянства (кроме кулачества) ...» [1, с. 122–123]. Слабость сельских Советов, непопу-

лярность их среди крестьянства отражались «во все более частой постановке вопроса о крестьянском союзе и противопоставлении интереса рабочего класса и крестьянства». Если в 1924 г. было зарегистрировано 139 случаев агитации за создание «крестьянского союза», в 1925 г. – 543 [4, с. 90], то в 1926 г. – уже 1516 [5, л. 16]. В Центральном Черноземье соответственно 210 и 577 случаев [5, л. 17]. Была даже попытка создать Всероссийский крестьянский союз» [4, с. 90]. Руководство партии видело в этом опасность для однопартийной политической системы. Выступая в июне 1925 г. в Свердловском университете, Сталин в ответ на вопросы студентов сказал: «Опасность начинается с того времени, когда объединение беспартийных начинает подумывать о том, чтобы заменить собою партию» (см.: [6, с. 192–193]). В вопросе о недопустимости еще одной партии со Сталиным были солидарны оппозиционеры [7, с. 69].

Выступая решительно против создания каких-то новых крестьянских организаций, тем более партии, партийные верхи, однако, хотели использовать активность крестьян в интересах власти. В докладе на X Московской партийной конференции Л.Б. Каменев об этом говорил: «Для нас выгоднее, чтобы политическое брожение и политическая активность шли по легальному каналу советской власти, а не мимо него... Надо действительно зарубить себе на носу: или мы, оживляя деревню экономически, оформляем ее и политически в нашем стиле, или это экономическое оживление и политическая активность будут использованы против нас» [8, с. 40–41]. Политический капитал, полученный от замены разверстки налогом, был исчерпан. «Мы должны заново завоевать крестьянство», – заявил Сталин о ближайшей цели в октябре 1924 г. на пленуме ЦК РКП (б) [9, с. 313].

В этот период особенно велико было стремление к созданию крестьянского союза [10]. В своих выступлениях на сходах и собраниях по перевыборам в Советы крестьяне требовали, чтобы не рабочие диктовали цены на хлеб, а крестьяне [10, л. 2].

12 декабря 1925 г. на перевыборах Николаевского сельского Совета Воронежской губернии выступил крестьянин Дреев Н.И. и заявил, что «Советская власть все делает в интересах рабочего класса... Крестьянин же работает день и ночь всей семьей и остается голодным и оборванным» [10, л. 3].

После прошедшей перевыборной кампании по инициативе группы крестьян был послан наказ Воронежскому губисполкому и губкому ВКП (б), который был переправлен в редакцию «Крестьянской газеты». Наряду с большими «достижениями» в этом наказе отмечается и несоответствие цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, неравенство рабочего и крестьянина, говорилось о

том, что рабочий класс по отношению к крестьянству является диктатором, о диспропорции в представительстве власти.

1924 год явился исходным рубежом, когда крестьянство проявило с достаточной ясностью политическое сознание. Оно, как и раньше, решительно противостояло монархической идеологии, но вместе с тем не воспринимало и большевистскую идеологию советского государства как диктатуру пролетариата. Единичные политические выступления в деревне, зарегистрированные в 1923 г., главными требованиями которых были: «соорганизоваться и потребовать, чтобы рабочие отдали крестьянам часть власти», добиться в этих целях «организации крестьянского союза во всероссийском масштабе», казались воспоминаниями о прошлом и приписывались бывшим повстанцам и эсерам. Однако уже к середине 1924 г. стало ясно, что эти требования становятся общими и быстро растущими требованиями крестьянства. Осознание этого важнейшего политического обстоятельства породили в ОГПУ два документа. Они положили начало систематическому наблюдению за политическими настроениями крестьянства.

Подписанная Ф.Э. Дзержинским докладная записка ОГПУ «О перспективах крестьянского движения в связи с ожидающимся неурожаем», подготовленная в мае–июне 1924 г., констатировала рост политической активности крестьянства [10, л. 3–4].

Реальным выражением пробудившейся активности деревни были попытки массового вступления в ряды РКП (б) после смерти В.И. Ленина. Они зарегистрированы почти повсеместно. С одной стороны, этот факт следует расценивать как стремление бедноты, имеющей определенное тяготение к советской власти, выделиться в политически устойчивую группу. А с другой, поскольку часто речь идет о вступлении в РКП целыми селениями, как усиление активности середняцких слоев, стремящихся через единственно легальную партию провести защиту своих политических и экономических интересов. Это подтверждает и ряд писем в редакции газет с проектами создания крестсекции ЦИК и т.д.

Это нарастание политического оживления кулацких и середняцких слоев находит выражение в тенденции к созданию «крестьянских союзов», союзов хлеборобов, носящих явно выраженную антисоветскую окраску, союзов переменников и тому подобных образований, имеющих характер контроля над работой соваппаратов на местах и защиты интересов части крестьянства, производящей продукты для рынка. Архивные источники убедительно свидетельствуют о том, что во многих уездах деревенские коммунисты становятся во главе крестьянства, объединяют последних на почве критики недостатков советского аппарата и выдвигают идею крестьянского союза.

Такие моменты представляли благоприятную базу для организованного движения имущих элементов деревни в тех местах, где недовольство крестьян экономической политикой советской власти достигало крайнего напряжения. Эти факты учитывались также зарубежными монархическими центрами, стремящимися, особенно на окраинах, овладеть крестьянским движением и придать ему планомерный и всеобщий характер и вызвать вооруженное восстание» [1, с. 201–202].

Анализ политической ситуации в деревне привел руководство ОГПУ к выводам, изложенным Ф.Э. Дзержинским в докладной записке в Политбюро ЦК РКП (б) [1, с. 206]. 9 июля Ф.Э. Дзержинский обращается в Политбюро ЦК РКП (б) с докладной запиской об экономическом положении страны, в которой главным является вопрос о положении крестьянства и о необходимости срочных и кардинальных мер по изменению политики в деревне. Вместе с тем Ф.Э. Дзержинский подчеркивает, что необходимо снова обратить внимание всего рабочего класса и всей партии на намечающуюся трещину в союзе между рабочими и крестьянами. Темп поднятия уровня жизни рабочих и крестьян не только неодинаков, но и резко разошелся. Уровень жизни рабочих растет непропорционально быстро без достаточной для этого экономической базы. Крестьяне это видят. Для предотвращения этого раскола: «Надо союзу с крестьянством дать не только агитпроповское, но и материальное содержание. Надо увязать развитие и положение промышленности с нуждами и положением крестьянства. ...Необходимо запретить писать в наших газетах небывлицы о наших успехах, необходимо запретить заниматься учеными и волокитными опровержениями того, что ясно каждому, а именно, что мы мало производим и много потребляем. Необходимо покончить с рвачеством по линии зарплаты и создать твердое руководство в сторону действенного подхода к осуществлению на деле союза с крестьянами; необходимо твердое осознание всех рабочих, что борьба с неурожаем, нынешними и по предупреждению в будущем, потребует жертв со стороны рабочих. Кроме того, нам необходимо пересмотреть расходы на Красную армию. Они нам непосильны, они нас экономически подрезают, и они при всей своей (относительной, конечно) огромности не дают для обороны того, что следовало бы ...» [1, с. 224].

Эти предупреждения нашли отражение в решениях октябрьского (1924 г.) пленума ЦК РКП (б) о повороте «лицом к деревне!», означавшем переход к «настоящему НЭПу» в деревне. Стержневым направлением этих решений явилось оживление работы сельских Советов всех форм массово-политической работы на селе. Одним из существенных моментов подготовки к выборам 1925–26 гг. яви-

лось стремление избирательных комиссий добиться безусловного соблюдения действующего законодательства о выборах. Исходя из всего комплекса источников, можно определенно утверждать, что никогда ранее этим вопросам не уделялось столь большого внимания.

Работа, развернувшаяся на селе после пленума, достаточно полно отражена в литературе [1, с. 226]. Очередной недород создавал объективные трудности в стране, что способствовало повышению крестьянской активности по защите своих прав, но перевод натурального сельхозналога в денежный оказал положительное влияние на промышленное и сельскохозяйственное производство.

В советской исторической литературе оживление этих настроений оценивается как результат кулацкой ситуации. Нет сомнения, что кулачество стремилось извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Но в самой идее «крестьянского союза» было не только это. Суть дела была еще и в том, что мелкоотварный сектор в деревне, относительно консолидировавшись на основе рыночных отношений, обнаружил стремление к организации путем создания определенной политической структуры. Анализ политической ситуации в стране в тот период позволяет сделать вывод о насущной потребности в расширении границ соглашения со средним крестьянством в политической сфере. Стремление крестьянства к политической организации выражалось не только в идее «крестьянского союза». В 1924 г. деревня стремилась более широко участвовать и в профсоюзном движении. По этому поводу писал в газету «Беднота» крестьянин Карасев: «Профсоюзы охватили весь город, но жаль, что они не коснулись деревни... Нет возможности открыть профсоюзы в деревне, откройте отделения. Только в деревне откройте...» (см.: [11, с. 300–318]).

Эта тенденция в политической жизни деревни не осталась незамеченной руководителями партии и государства. В то время как для городов проблема политического оформления решена, – говорил Л. Каменев в январе 1925 г., – «вопрос о политическом оформлении повысившейся активности крестьянства» приобрел особую актуальность. Однако в большинстве выступлений того времени создание какой-либо политической организации крестьянства расценивалось как фактор конфронтации города и деревни, таящий в себе угрозу раскола союза рабочего и крестьянина [11, с. 301].

С восстановлением крестьянского хозяйства сильнее проявлялось и экономическое расслоение деревни, а вместе с тем и внутренние социальные конфликты, прежде всего, между беднотой, служившей официальной опорой советской власти, и состоятельными слоями, восстанавливавшими свое хозяйство в условиях НЭПа. Это противостояние

часто принимало грубые формы террора и хулиганства, направленного против работников местных Советов и местных партийцев, возобновлением «антисоветской агитации» (в действительности направленной против диктаторских порядков однопартийной системы, а не против Советов). Однако «политбандитизм» практически исчезает.

В продолжающемся противостоянии крестьянства и диктаторской власти основное значение приобрели политические формы борьбы за организацию государственной власти и представительность в ней крестьянства. Речь идет, прежде всего, об открытых выступлениях на пере выборах сельских Советов, хотя первоначально очень часто они выражались в отказе от участия в собраниях и голосовании. Начиналась открытая борьба за овладение местными органами власти, в первую очередь, сельскими и волостными Советами, чтобы обеспечить активную защиту интересов деревни в вопросах налогового обложения, цен на сельскохозяйственную продукцию, землеустройства и т.д. С особой остротой это проявилось на выборах сельских Советов в начале 1927 г. Информационные материалы ОГПУ с весны 1924 г. стали отмечать «значительное распространение идей организации крестьянских союзов как профсоюзных, кооперативных и общественных объединений в целях защиты интересов крестьян». В дальнейшем от одной переборной кампании к другой голоса о необходимости воссоздания крестьянского союза звучали все чаще. Советская историография отметила факт распространения в деревне 20-х гг. требований создания крестьянского союза и различия в понимании его функций. Восприятие этих требований как антисоветских и кулацких воспроизводило их оценку, утвердившуюся лишь с осени 1927 г., когда началась идеологическая подготовка наступления на кулачество. До этого момента в сводках ОГПУ сведения об «агитации за крестсоюзы» давались самостоятельными тематическими разделами, а не включались в разделы «Антисоветская агитация».

По сводным данным ОГПУ, из учтенных выступлений за создание крестьянского союза имелась в виду «явно политическая организация» в 17.5 % случаях за 1926 г. и в 22.6 % – за 1927 г. [12].

Не было оснований для перевода «крестсоюзской» агитации в разряд «антисоветской». Выше отмечался взгляд В.И. Ленина на создание советского крестьянского союза – осторожный, но положительный. Пройдет семь лет, и на пленуме ЦК ВКП (б) в июле 1928 г. выскажется Сталин: «Крестьяне, поощряемые кулаками, ...могут потребовать от нас свободу организации «крестьянского союза»... Но тогда нам пришлось бы объявить свободу политических партий и заложить основы для буржуазной демократии» [13, с. 33].

Таким образом, в первой половине 20-х гг. экономическая реформа углублялась, расширялась, сопровождалась смягчением политического режима. Были сужены полномочия репрессивного аппарата, партийно-государственной цензуры, известные «свободы» получили общественные объединения. В общественном сознании крестьянства в 1920 гг. отразилось стремление последнего к диалогу с властью, которая в свою очередь пыталась модернизировать отношения с сельскими жителями. После введения новой экономической политики возникли условия для сотрудничества между властью и крестьянством, в том числе в социально-политической сфере. Факты игнорирования или невыполнения на должном уровне крестьянами предписаний власти, по сути, не были антигосударственными, но являлись попытками корректировки взаимоотношений на взаимовыгодных условиях. Руководствуясь, прежде всего, идеологическими задачами, государство под руководством правящей партии с 1927 г. начало ощутимо сокращать возможности крестьян для свободного, открытого выражения ими своих социально-политических интересов. Вынужденная осуществить некоторую либерализацию правящая партия не отказалась от своих доктринальных идей и методов их реализации, сохранилась ее монополярная власть в государстве. Все это обусловило противоречивость самой сути новой экономической политики и ее проведения во всех областях жизни страны, а также переход к контрреформам. Взятый партией курс на коллективизацию ознаменовал собой кардинальное изменение политики по отношению к крестьянству.

Источники и литература

1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.
2. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.
3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.1. 1918–1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.
4. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932). М., 1968.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 39. Д. 99.

6. Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 7.
7. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т. 4.
8. Каменев Л.Б. Куда и как ведет советская власть крестьянство. Л., 1925.
9. Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6.
10. Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1955.
11. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1.
12. Беднота. 1924. 5 сентября.
13. Каменев Л.Б. Статьи и речи. М; Л., 1926.

В.В. Кузнецов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рубцовский индустриальный институт

В существующей сегодня научной литературе, посвященной сельскохозяйственным реформам в Советском Союзе во второй половине XX в., выработаны определенные точки зрения и мнения о ходе этих реформ, их осуществлении на различных территориях страны и в целом дана оценка их положительным и отрицательным сторонам. Считается, что эти схемы и оценки можно использовать и для характеристики процессов в сельском хозяйстве, происходивших в это же время в Сибири. Между тем такое наложение не совсем корректно. По нашему мнению, в Сибири, а еще конкретнее – в Западной Сибири, в проведении реформ «хрущевского десятилетия» в сельском хозяйстве имела своя специфика, свои особенности, не учитывать которые нельзя. До сих пор практически не разработан и вопрос об иерархии, соподчиненности реформ, определении основных, главных и менее значительных из них. Более того, некоторые авторы, затрагивающие данную тематику, считают, что реформы этого периода были равнозначны. Так, И. Русинов выделяет в нем три сверхпрограммы развития сельского хозяйства: освоение целины, массовое насаждение кукурузы, развитие животноводства [1]. Какого-либо подразделения их он не делает.

Выскажем предположение, что для Западной Сибири первостепенной реформой стало освоение целины, которое повлекло за собой и все последующие изменения в сельском хозяйстве, а ее влияние продолжало сказываться и через многие годы после окончания целины. Подобная оценка прямо следует как из анализа основных партийных документов, посвященных сельскохозяйственным реформам десятилетия, так и из изучения имеющихся по теме работ исследователей, мемуаров, материалов периодической печати, документов центральных и областных (краевых) архивов.

Выделим основные вехи, которые послужили ориентирами при создании ныне существующих периодизаций реформ, намеченные и указанные в партийных документах, материалах пленумов и съездов КПСС в период с 1953 по 1964 гг., и укажем на некоторые их особенности.

Начальной точкой считается сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, на котором была проанализирована ситуация с развитием сельского хозяйства страны, определены наиболее отстающие отрасли, а также способы и методы устранения выявленных «слабых мест». Пленум отметил, что «особенно неблагоприятно дело обстоит с развитием животноводства» [2, с. 304] и далее, что «объясняется, прежде всего, отставанием производства и заготовки кормов» [2, с. 310]. На пленуме были поставлены цели по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в стране, но не конкретизировалось – как, за счет чего этих целей добиваться.

Через несколько месяцев были определены (найжены) и эти способы. Главной задачей стал рост производства зерна, чего предстояло добиться в основном за счет освоения целинных и залежных земель. Целинный (февральско-мартовский) пленум ЦК КПСС зафиксировал, что «от успехов в развитии зернового хозяйства зависит дальнейший подъем всех других отраслей сельского хозяйства, удовлетворение растущих потребностей населения и всего народного хозяйства» [2, с. 364]. Для этого необходимо было добиваться повышения урожайности зерновых и технических культур, улучшения кормовой базы животноводства и организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Августовский пленум этого же года подвел некоторые итоги проделанной работы по освоению целины. На нем было констатировано: «Освоение и включение в хозяйственный оборот новых земель в колхозах и совхозах является крупным вкладом в